

Глава 1. Юноша

— Я-эр... — донесся из комнаты слабый голос деда.

За этим последовал тяжелый, надрывный кашель.

Чан Я как раз забирал из установленного у ворот Динцюэ письма с запросами на призыв духа. Услышав зов, он поспешно схватил несколько писем и вбежал в дом. Чан Фулянь зашелся в новом приступе; одеяло ходило ходуном, вторя каждому болезненному хрипу. Чан Я привычно бросился к кровати, принялся растирать дедушке спину и, дождавшись паузы, напоил его водой. Когда кашель наконец утих, юноша помог старику лечь поудобнее.

— Дедушка, рецепт божественного лекаря Таня помогает. Видишь, сегодня ты почти не кашляешь, и крови совсем нет. Вот увидишь, к весне ты обязательно поправишься.

Чан Я заботливо укрыл его, подоткнув края одеяла.

— Бесплезно, Я-эр, — едва слышно прошептал Чан Фулянь. — Боюсь, мое тело не дотянет до весны.

Юноша терпеть не мог подобные разговоры. У него защипало в глазах, но он пересилил себя и улыбнулся:

— Не говори так. Лекарства дедушки Таня поставят тебя на ноги. Всё наладится.

«Всё наладится», — повторял он про себя. И болезнь деда, и доверие жителей Сяшуя.

Из-за поползших повсюду гнусных слухов горожане начали обходить их дом за версту. О том, чтобы кто-то пришел призвать дух, не могло быть и речи. Хорошо еще, что жили они на отшибе, иначе разъяренная толпа давно бы забросала их окна тухлыми яйцами. Те несколько писем, что Чан Я только что достал из динцюэ, пролежали там не один месяц — их забросили еще до того, как дед слег.

Заметив их, оставленные на краю кровати, Чан Фулянь тяжело вздохнул.

— Я-эр, сожги их все.

Чан Я спрятал их в рукав и мягко ответил:

— Дедушка, ты сначала поправляйся, а об остальном не беспокойся.

Устроив деда поудобнее, он вышел, прикрыв за собой дверь. Из комнаты еще доносилось тихое бормотание: «Сяо Я-эр...» Юноша смахнул слезу. Ему уже девятнадцать. С тех пор как тот человек ушел, минуло два года. Он давно перестал быть «малышом Я-эром». Он вырос.

В своей комнате Чан Я принялся разбирать письма с запросами на призыв духа. Всего их было пять. Три из них — чья-то глупая шутка. В четвертом проситель жаловался на телесные боли, в чем Чан Я был бессилён; Сяолянь, возможно, и мог бы помочь, но автор письма явно ошибся адресом. Лишь последнее соответствовало всем требованиям. Писала некая женщина по фамилии Цай. Она жаловалась на бессонницу: стоило ей подумать, что завтра придется снова идти в лавку и встречаться с хозяином, как её охватывала неопишуемая дрожь. Из-за этого страха она совершала всё больше ошибок в работе, а порочный круг лишь затягивался...

«Страх перед хозяином, нежелание идти на службу...» — Чан Я прикинул суть проблемы. Он бросил ненужные письма в жаровню, наблюдая, как их пожирает пламя, и оставил лишь письмо госпожи Цай.

Разложив на столе чистую бумагу, он обмакнул кисть в тушь и короткими, четкими штрихами начертил письмо-приглашение на очную диагностику.

Во дворе Чан Хуай чистил овощи. Проходя мимо, Чан Я окликнул его:

— Мне нужно уйти по делам. Присмотри за дедушкой, и не забудь вовремя сварить отвар.

— Не волнуйся, брат Чан Я, — отозвался мальчик. — Я всё помню. Сейчас перенесу табурет к окну дедушки и буду сидеть рядом.

Чан Я кивнул и вышел за ворота.

Дом этой госпожи Цай находился довольно далеко. Юноша надеялся, что по пути ему попадетсЯ какая-нибудь телега, хотя сомневался, что возница согласится подвезти его. Места здесь были глухие, воловая повозка — редкость. Судя по положению солнца, близился час змеи.

Присев на большой валун, чтобы перевести дух, Чан Я размышлял. Дело госпожи Цай не казалось сложным; можно было на время скрыть это от деда и провести расследование самому...

Не успел он додумать, как за спиной раздался шорох.

— Кто здесь?

Если бы к нему приблизился обычный человек, он бы почувствовал это заранее. Разве что...

— Старший брат, это я.

Преследователь вышел из тени. Увидев Цэнь Сяоляня, Чан Я горько усмехнулся про себя. Только его ауру он мог не заметить, если тот решит затаиться.

— Зачем ты пришел?

— Перед уходом я встретил Чан Хуая, он сказал, что ты ушел в город. Вот я и догнал тебя.

— И зачем? Я всего лишь иду доставить письмо-приглашение на очную диагностику.

— Брат, тебе нельзя одному, — заупрямился Сяолянь. — Сейчас в городке люди злые, того и гляди нападут. Я пойду с тобой.

— Мне не нужна охрана.

Чан Я старался не смотреть ему в лицо — Сяолянь был слишком похож на своего брата, сходство просто поражало. К слову, в этом году ему тоже исполнилось девятнадцать.

— Возвращайся домой.

— Нет! — Сяолянь разволновался и выпалил главный козырь: — Старший брат велел мне: куда ты, туда и я!

Имя этого человека — Цэнь Сяолу — было последним, что Чан Я хотел слышать. Тот, кто два года назад ушел, не попрощавшись. Тот, кто лишь перед самым отъездом соизволил назвать его «старшим братом»...

В годы правления под девизом Динлу в Поднебесной царил мир. Народ процветал, а в городке Сяшуй, что в округе Пинсюнь, гремела слава «лекаря, призывающего дух». Просители со всех сторон стекались к его дверям.

— Я-эр, ты сделал уроки?

Чан Я споро укладывал в холщовую сумку заключительные свитки с советами для исцеления души, написанные дедом.

— Закончил еще до того, как сел за опыт призыва духа.

— Помни: ты еще мал, нельзя забрасывать учение.

— Знаю, дедушка, — Чан Я уже переступал с ноги на ногу, сгорая от нетерпения. — Я всё помню!

Подхватив сумку, он пулей вылетел во двор. Чан Фулянь лишь покачал головой, глядя ему вслед. Я-эр всё еще был сущим ребенком, слишком порывистым, но к делу призыва относился со всей серьезностью. Да и способности его были исключительными — истинный талант.

Чан Я же на ходу подсчитывал: вчера дед дал ему две медные монеты, значит, на обратном пути можно будет купить в городе два сочных пирожка с мясом. От этой мысли на душе стало радостно, и ноги сами несли его вперед. Прошагав полчаса, он ничуть не устал.

День выдался жарким. Солнце медленно подползло к зениту, и юноша вытер пот со лба рукавом. Сегодня ему нужно было обойти несколько домов в Сяшуе. Сам он с дедом жил в Крючковой луне — местечке уединенном, где была лишь их усадьба. Мимо иногда проезжал на волах мальчишка-травник, помогавший дедушке Таню, но сегодня, как назло, его не было видно.

Впереди дорога расширялась, идти стало легче. Чан Я прибавил шагу, присматривая в тени у обочины место для отдыха — зной становился невыносимым.

Вдруг он заметил впереди какой-то предмет. Присмотрелся — нет, не предмет. Человек. Осознав это, Чан Я бросился вперед и, подбежав ближе, едва не отшатнулся от ужаса.

Сердце ушло в пятки, но, привыкший за годы жизни с дедом к самым разным картинам, юноша быстро взял себя в руки. Он отбросил сумку, опустился на колени и дрожащими пальцами коснулся шеи незнакомца. Слава богам, пульс был слабым, но человек был жив. Чан Я облегченно выдохнул.

Судя по телосложению, это был подросток, примерно его ровесник. Лицо рассмотреть было невозможно: оно представляло собой сплошную корку из запекшейся крови и грязи. Спутанные волосы, лохмотья вместо одежды... Рубаха была распахнута, обнажая грудь.

«Непозволительно», — подумал Чан Я и, отвернувшись, поспешно запахнул на нем ворот.

Медлить было нельзя. Если оставить его здесь, на пустынной дороге, он долго не протянет. Чан Я решительно закинул сумку за спину, крепче завязав лямки на шее, и, натужно кряхтя, взвалил раненого на плечи. Тело было тяжелым, словно налитым свинцом. Юноша пошатнулся, едва не рухнув в пыль, но устоял. Глубоко вдохнув, он медленно, шаг за шагом, поплелся в сторону дома.

Путь назад занял в полтора раза больше времени. Едва переступив порог, Чан Я в изнеможении опустился на землю. Ему было уже всё равно, станет ли дед ругать его за то, что притащил в дом незнакомца.

— Я-эр, вернулся? — Чан Фулянь вышел из дома на шум и замер.

Его внук сидел посреди двора, тяжело дыша, а позади него на земле лежал израненный, грязный человек.

— Кто это? — старик быстро подошел ближе.

— Дедушка, я... — Чан Я вскочил, утирая пот, и виновато забормотал: — Я сам не знаю. Он, кажется, мой ровесник. Просто я увидел его на дороге... Если бы я прошел мимо...

— Хорошо, я понял.

Чан Фулянь погладил внука по голове и склонился над лежащим. Хоть он и не обладал мастерством божественного лекаря Таня, в ранах он разбирался неплохо. Коснувшись пульса и стерев грязь с щеки юноши, старик вздохнул с облегчением: кровь была чужой, серьезных ран на лице не оказалось.

— Дедушка, он будет жить? — с тревогой спросил Чан Я.

— Всё в порядке.

Вместе они перенесли незнакомца в дом. В пустующей комнате, отделенной от спальни Чан Я лишь тонкой стеной, они устроили его на кровати.

Когда Чан Я принес воды и обмыл лицо парня, его истинный облик наконец открылся. Он разительно отличался от того окровавленного чудовища, что лежало на дороге. Черты лица были правильными, точеными, кожа из-за потери крови казалась почти прозрачной. Несмотря на красоту, в облике незнакомца сквозило нечто пугающее. Чан Я подобрал в уме слово: «отчужденность». Казалось, под этой бледностью скрыт острый клинок, готовый в любой миг вонзиться в того, кто подойдет слишком близко.

— Дедушка, когда он проснется? — Чан Я сидел у постели, снедаемый любопытством.

— Я поставил ему иглы, чтобы разогнать застой крови. К вечеру должен прийти в себя.

— Тогда я подожду его здесь.

Чан Фулянь бросил сумку с заключительными свитками с советами для исцеления души к ногам внука:

— А задания на сегодня выполнены?

— Ой... еще не доставил.

За всей этой кутерьмой Чан Я совсем забыл о поручениях. Он виновато прижал сумку к груди:

— Дедушка, я сейчас же всё разнесу!

Чан Фулянь во всем потакал внуку, кроме учебы и дел, связанных с призывом духа. Он строго махнул рукой:

— Иди. И возвращайся до темноты.

Юноша выбежал за ворота и, к своему удивлению, увидел там телегу того самого мальчишки-травника.

— А ты что тут делаешь?

Тот помог Чан Я забраться на повозку и объяснил:

— Задержался в горах, возвращаюсь позже обычного. Твой дед окликнул меня, попросил подбросить тебя до Сящуя. Сказал, что скоро стемнеет, так что я подожду тебя там и привезу обратно.

Телега тронулась. Слушая слова приятеля, Чан Я оглянулся на дом. Ему показалось, что в окне он видит силуэт деда.

Как и предсказывал Чан Фулянь, Я-эр вернулся, когда на землю уже опустились сумерки. Попрощавшись с возницей, он первым делом бросился в комнату к незнакомцу. Тот еще спал. Его лохмотья сменили на чистую одежду, принадлежавшую Чан Я, но гость, видимо, был выше — рукава и штанины оказались ему коротки. Чан Я почувствовал укол досады. Наверное, этот парень старше на пару лет, вот и вытянулся. Нужно будет обязательно спросить об этом, когда он очнется.

— Я-эр, иди ужинать! — позвал дед.

Не заметив признаков скорого пробуждения, Чан Я нехотя вышел.

После трапезы дед ушел к себе разбирать дела просителей, а Чан Я снова прокрался в соседнюю комнату. Он притащил табурет и сел у кровати, не сводя глаз с незнакомца.

Прошло много времени. Веки Чан Я начали слипаться, голова клонилась к груди. «Дедушка же сказал, что он проснется вечером, а уже глубокая ночь...»

В тот момент, когда Чан Я в очередной раз зевнул, человек на кровати шевельнулся. Его ресницы дрогнули. Юноша мгновенно вскинулся и подался вперед.

Незнакомец медленно открыл глаза. Сначала взгляд его был туманным и блуждающим, но в следующее мгновение он сфокусировался на лице Чан Я. Раньше, чем тот успел хоть что-то сообразить, в воздухе мелькнула тень, и сильные пальцы мертвой хваткой вцепились ему в горло.

<http://bllate.org/book/17545/1708104>